

«Шапки дол о й, господа! Перед вами гений!».

Так приветствовал Фридрика Шопена, совсем еще юного композитора, почти мальчика Роберт Шуман, — выдающийся немецкий композитор и музыкальный критик. А соотечественник Шумана поэт Генрих Гейне, близко знавший Шопена, в письмах «О французской сцене» писал: «Природа ему дала изящную, стройную, слегка болезненную фигуру, благороднейшее сердце и гений. Да, Шопена следует признать гением в полном значении этого слова: он не только виртуоз, он также и поэт, он может сделать для нас зримой ту поэзию, что живет в его душе, он композитор, и ничто не сравнится с наслаждением, которое он дарит нам, когда садится за рояль и импровизирует».

Родился Фридерик Шопен полтора столетия назад в небольшом местечке Желязова Воля, близ Варшавы. Сохранилось воспоминание, что в час появления Фридрика на свет возле окон дома остановились бродячие музыканты и сыграли нехитрую польскую мелодию. И если это верно, то музыка была первым, что услышал будущий создатель великолепных баллад, фантазий, мазурок и полонезов.

Фридерiku было восемь лет, когда в печати появилось его сочинение, — польский танец, написанный под впечатлением певучих и чуточку грустных полонезов Огинского. А после того, как мальчик выступил на любительском вечере с труднейшим фортепианным концертом, о нем заговорили, как о «чуде Варшавы».

Успешно окончив в Варшаве Главную школу музыки для подготовки композиторов, Шопен отправился в заграничную концертную поездку. Приехал в столицу Австрии — Вену. И здесь он узнал, что в Варшаве началось восстание.

В юные годы Шопен был близок со многими будущими участниками восстания 1830—1831 годов. Первым стремлением композитора было — мчаться на родину, стать в ряды борцов за национальную свободу. Но приятели стали отговаривать его, убеждая, что он гораздо лучше выполнит свой патристический

ВЕЛИКИЙ МУЗЫКАНТ

долг, служа родному искусству. Подоспело письмо и от отца. Он призывал сына к тому же и запретил ему выезжать из Вены.

С трудом подчинился Фридерик родительской воле. Он терзается, с горечью пишет своему другу в Варшаву: «Отчего я не могу быть хотя бы барабанщиком?».

Кое-кто из австрийских знакомых, желая утешить Шопена, пытается внушить ему космополитическую мысль: артист не имеет отечества; он принадлежит всем странам и народам. Шопен с гневом отвергает подобный взгляд на артиста.

В развернувшейся битве огромное значение приобретало сохранение и развитие национальной польской культуры. И Шопен создает произведения, поэтически отражающие разнохарактерные образы народной жизни, гениально обобщающие типические особенности национального музыкального стиля. Его полонезы полны мужества, энергии, блеска. Они поднимают дух. А его баллады, сонаты, скерцо! Они зовут к борьбе. В то же время Шопен пишет и произведения, в которых драматизм сочетается с нежной лирикой. К ним относятся мелодически яркие, глубоко содержательные ноктюрны, экспромты, прелюдии. А в некоторых мазурках, да и в вальсах и в полонезах мы видим танцевальную горделивость и элегантность.

Всем этим и дорог Фридерик Шопен — великий славянин — братскому русскому народу. Известно, как высоко ценил творчество польского композитора Михаил Иванович Глинка. В 1849 году, вскоре после смерти Шопена, он посетил Варшаву, беседовал с друзьями Фридрика и еще глубже понял, как много сделал Шопен для своего отечества. Отдавая дань почтения гениальному собрату, Глинка написал фортепианную пьесу «Воспоминание о мазурке» — воспоминание о непревзойденном творце мазурок.

Высоко ценили творчество Шопена и другие выдающиеся русские композиторы: Балакирев, Римский-Корсаков, братья Антон и Николай Рубинштейны, Глазунов, Лядов, Рахманинов. Все они

преклонялись перед его талантом и были превосходными исполнителями его произведений. Они видели в Шопене великого представителя славянского искусства. Он, как и они, ненавидел всякую надуманную фальшивую музыку и признавал только правдивую, отражающую думы и чаяния народа — соотечественников своих.

Горячо любят Шопена и советские музыканты. Наши пианисты К. Игумнов, А. Гольденвейзер, Г. Нейгауз, В. Софроничий, Я. Зак и многие представители более молодого поколения являются одними из лучших исполнителей его произведений.

Шопен в основном писал свои произведения для фортепиано. Поэтому для меня как пианиста Шопен особенно дорог. Чувство радости, что у нас, пианистов, есть Шопен, не покидает меня никогда.

В 1926 году на выпускном экзамене в консерватории я играл Четвертую балладу Шопена и не подозревал, что вскоре с именем этого композитора будет связано значительное событие моей жизни — участие в Первом международном конкурсе имени Шопена. В ту пору я увлекался композицией и сравнительно мало уделял внимания занятиям на фортепиано. За три недели до начала соревнования мой учитель К. Игумнов показал мне программу соревнования. В моем репертуаре была примерно лишь треть обязательной конкурсной программы. Подготовка в этих условиях казалась бессмысленной. Однако по настоятельным советам друзей все же я начал готовиться к конкурсу. «Если захотите, сможете подготовиться», — говорили они.

Готовясь к конкурсу, я играл целыми днями. У меня было какое-то нервное, обостренное творческое состояние. Помогала предшествовавшая многолетняя работа над Шопеном под руководством К. Игумнова.

И вот мы, советские музыканты, — Ю. Брюшков, Г. Гинзбург, Д. Шостакович и я — в Варшаве. Мы не рассчитывали на победу. Все было слишком неясно. Не рассчитывали на какой-либо наш успех и зарубежные музыканты.

Фридерик Шопен.

Чувствовалась взаимная настороженность. Мы думали: «Как отнесутся к нашему исполнению?». Они же сомневались в нашей способности понимать и исполнять Шопена.

Естественно, что к нашим выступлениям отнеслись с большим любопытством. Для многих мы были северной экзотикой. И никто не предвидел, конечно, триумфа советской исполнительской культуры.

Жюри конкурса состояло из представителей польской музыкальной культуры. Первая премия была присуждена мне. Звание лауреата получил также Г. Гинзбург, Ю. Брюшков и Д. Шостакович были награждены почетными дипломами.

С тех пор на каждом конкурсе имени Шопена советские пианисты одерживают блистательные успехи. И давно уже никто не дивится: «Русские? Они понимают Шопена?!».

Да, прекрасно понимают, высоко ценят и замечательно исполняют в нашей стране великие создания великого сына славян. Он близок нам по духу, жизнелюбиво, оптимизму. Он роднит культуры советского и польского народов. Он великий наш собрат. И поэтому каждый советский человек, бывая в Польше, стремится посетить костел святого Креста в Варшаве. Там в нише, прикрытой мраморной доской, покоится сердце великого музыканта и пламенного патриота.

Лев ОБОРИН,
профессор, народный артист РСФСР.

23 ФЕВ 1960

П. ТРУД
г. Москва